

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ****Муратбаева Рахима**

студент 3 курса факультета иностранных языков, кафедры русского языка и литературы
Каракалпакского государственного университета имени Бердаха.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.15185663>

Аннотация. В данной статье исследуются морфологические характеристики поэтического языка в русской литературе. Рассматриваются архаичные формы, новаторские морфологические конструкции, а также случаи отклонения от грамматических норм и их стилистические функции. Особое внимание акцентируется на значении морфологии в создании ритма и рифмы. Исследование показывает, как морфологические элементы служат выразительными средствами в поэтическом стиле.

Ключевые слова: Поэтический язык, морфология, архаизмы, неологизмы, ритм, рифма, грамматическая вариативность.

MORPHOLOGICAL ASPECTS OF POETIC LANGUAGE IN RUSSIAN LITERATURE

Abstract. This article examines the morphological characteristics of poetic language in Russian literature. Archaic forms, innovative morphological constructions, as well as cases of deviation from grammatical norms and their stylistic functions are considered. Particular attention is focused on the importance of morphology in creating rhythm and rhyme. The study shows how morphological elements serve as expressive means in poetic style.

Keywords: Poetic language, morphology, archaisms, neologisms, rhythm, rhyme, grammatical variability.

Поэтический язык представляет собой уникальную разновидность литературного языка, в которой возможности языковых средств значительно расширяются. Морфология, являясь одним из уровней языковой системы и играя ключевую роль в грамматическом строем высказывания, в поэтическом тексте обретает не только грамматическое, но и стилистическое, а также эстетическое значение. Поэт, стремящийся передать тончайшие нюансы чувств и мыслей, часто отклоняется от норм общеупотребительного языка, используя архаические формы, неологизмы, авторские морфологические конструкции и нарушая установленные грамматические правила ради достижения художественного эффекта. В русской поэзии наблюдается тенденция к активному переосмыслению морфологических форм, что прослеживается как в классической, так и в модернистской и авангардной традициях. Морфологические особенности становятся элементом авторского стиля, своеобразным «почерком» поэта.

Таким образом, исследование морфологических аспектов поэтического языка способствует не только более глубокому пониманию художественной структуры текста, но и позволяет проследить развитие поэтической нормы в русской литературе. Начиная с работ В.В. Виноградова и Р.О. Якобсона, исследование грамматики поэтического текста развивается по двум направлениям. Первое фокусируется на грамматических особенностях поэзии, понимаемых как «необычные, исключительные в каком-либо отношении», «не похожие на других, своеобразные» (в соответствии со словарными значениями прилагательного особенный) признаки, как некоторые «отклонения» от грамматических норм — системных и узуальных — общелитературного языка. Второе направление рассматривает грамматику поэзии как функционально обусловленную реализацию грамматической системы национального языка — тех потенций, которые в ней заложены с разной степенью очевидности и могут быть творчески воплощены автором (от типологических характеристик до конкретных грамматических признаков уровня слова, предложения и текста) [3]. Основная цель данной статьи заключается в анализе использования морфологических средств в русской поэзии для достижения выразительности, ритма, стилистической окраски и эмоционального напряжения. В качестве исследовательского материала выбраны произведения А.С. Пушкина, С.А. Есенина и В.В. Маяковского, которые отражают различные этапы эволюции поэтического языка и демонстрируют разнообразные подходы к морфологическим экспериментам.

Архаические формы и их функции

В русской поэзии архаические формы играют важную роль в формировании особой стилистической атмосферы, отражая связь с культурным и языковым прошлым. Использование морфологических архаизмов не является простым подражанием старине, а служит осознанным художественным приёмом, позволяющим поэту подчеркнуть торжественность, возвышенность, а порой и ироничность высказывания. Архаические морфологические формы включают в себя устаревшие окончания имён существительных и прилагательных, формы глаголов с редкими или вышедшими из употребления суффиксами, двойственное число, а также старославянские элементы, воспринимаемые современным читателем как стилистически маркованные.

Одним из ярких примеров использования архаизмов является творчество Александра Сергеевича Пушкина. В его поэмах и сказках можно обнаружить множество форм, приближённых к древнерусской и церковнославянской грамматике. Например, в «Сказке о царе Салтане» используются формы типа «вещает», «узрели», «глаголет» — глаголы с суффиксами и окончаниями, типичными для книжного языка XVIII века.

Подобные формы в контексте сказочного повествования способствуют созданию эффекта древности и «устного предания», перенося читателя в особое языковое пространство [3]. Также наблюдаются формы с окончаниями, нехарактерными для современного литературного языка: «девицы», «отроки», «града» вместо «города». Эти формы выполняют не только декоративную функцию, но и структурную — они помогают сохранять ритмику и рифму стихотворения, органично вписываясь в метрический рисунок.

Архаизмы также позволяют автору выразить особое отношение к описываемым событиям и персонажам. В контексте религиозных или философских размышлений такие формы могут придавать тексту оттенок возвышенности, сакральности, как, например, в духовной поэзии XIX века или в оды торжественного стиля. Они служат сигналами для читателя, обозначающими особый регистр речи, отличный от повседневного.

Интерес представляет также функциональное использование архаических форм в поэтическом контексте, где они вступают в контраст с нейтральными или разговорными элементами. Такое сочетание создаёт эффект стилистического контрапункта, подчеркивая многоуровневость текста. Например, у Пушкина или Лермонтова архаизмы могут соседствовать с элементами живой народной речи, что формирует динамичное взаимодействие стилей и подчеркивает богатство поэтического языка.

В целом, архаические морфологические формы в русской поэзии не являются лишь реликтом прошлого — они становятся активным выразительным средством, служащим задачам художественного оформления текста, созданию исторического колорита, ритмической организации стиха и индивидуализации авторского стиля.

Инновационные морфологические образования

Инновационные морфологические образования в поэтическом языке представляют собой важный механизм художественного новаторства и индивидуального стиля. Поэты, стремящиеся выйти за пределы нормативного языка, активно используют возможности словообразования и морфологического конструирования для создания новых, необычных, зачастую неологичных форм, способных выразить то, что не укладывается в рамки обыденного лексикона. Такие морфологические новации не просто украшают текст, но и выполняют функцию смыслового насыщения, семантической трансформации и эмоционального воздействия на читателя.

Особенно ярко эта тенденция проявляется в поэзии XX века, когда поиск нового художественного языка стал одной из центральных задач литературы. В творчестве Владимира Маяковского инновационные морфологические образования становятся неотъемлемой частью его поэтического метода.

Поэт сознательно разрушает привычные грамматические структуры, создавая новые слова и формы, которые с первого взгляда могут казаться грамматически «неправильными», но при этом обладают большой выразительной силой. Слова типа «самолетное», «окноокие», «громыхавший» иллюстрируют активное использование авторского словообразования, основанного на расширении парадигм, сочетании разноуровневых элементов и создании нестандартных суффиксальных комплексов [5].

Маяковский в своём языке выступает не только поэтом, но и своеобразным морфологом-экспериментатором, для которого слово — пластичный, живой материал.

Иновационные морфологические образования часто возникают на стыке частей речи или за счёт необычных словообразовательных моделей. Например, глаголы с необычными приставками или суффиксами могут передавать новые оттенки действия, а прилагательные, образованные от сложных основ, позволяют формировать сложные образы и метафоры. Такие формы создают у читателя ощущение новизны и лингвистического вызова, вовлекая его в активное осмысление текста. Иногда авторские морфологические образования строятся по аналогии с существующими словами, что способствует их восприятию, несмотря на отсутствие в нормативной грамматике. В иных случаях новообразования предельно далеки от языковых клише, становясь настоящими экспериментами с морфемным составом. Это отражает общую тенденцию поэтического языка к разрушению стандартных структур и созданию новых выразительных средств.

Также стоит отметить, что инновационные формы нередко мотивированы ритмическими или фонетическими требованиями стиха. Поэт может сознательно «деформировать» слово, чтобы оно гармонично вписалось в метрическую структуру или приобрело нужное звуковое звучание. В этом случае морфология становится инструментом не только грамматической, но и звуковой организации текста. Таким образом, инновационные морфологические образования в поэтическом языке — это результат осознанного лингвистического эксперимента, отражающий стремление автора выйти за рамки нормативного языка, создать новые смысловые поля и эмоциональные коды. Эти формы служат не только для выразительности, но и для создания уникального поэтического мира, в котором язык становится не просто средством передачи информации, а пространством художественного мышления.

Морфологическая вариативность и нарушение норм

Морфологическая вариативность и намеренное нарушение грамматических норм в поэтическом языке выступают как важнейшие средства художественной выразительности.

Поэты не ограничиваются рамками нормативной грамматики, а наоборот — сознательно используют отклонения от нормы, чтобы подчеркнуть эмоциональный

настрой, ритмическую структуру, семантическую многослойность текста. Это явление обусловлено природой поэтической речи, в которой форма и содержание находятся в теснейшем взаимодействии, а морфологическая структура слов становится участником смыслового процесса наравне с лексикой и синтаксисом. Нарушение морфологических норм может проявляться в различных формах: в использовании нестандартных окончаний, редких или устаревших грамматических форм, в нарушении согласования, в неожиданной форме падежа или числа. Часто такие приёмы сопровождаются смещением стилистического регистра, когда высокие книжные формы соседствуют с разговорными или даже просторечными. В результате создаётся напряжённость высказывания, усиливающая его выразительность и художественную многозначность. В творчестве Сергея Есенина морфологическая вариативность нередко становится отражением народно-песенной традиции, где допускаются вольности в грамматике ради ритма, образности и эмоциональной насыщенности [2]. Поэт вводит в текст формы, которые могут противоречить нормам литературного языка, но органично звучат в контексте: «Ой ты, Русь, моя родная, хаты — в ризах образа...» — здесь форма «в ризах» употребляется не только для сохранения ритма, но и как средство стилизации под фольклорную речь.

Нестандартные грамматические формы у Есенина усиливают эффект искренности, эмоциональной открытости, создают ощущение приближённости к живой народной речи.

Кроме того, поэты нередко изменяют форму слов ради рифмы или метрической целостности. Это может приводить к появлению форм, не закреплённых в грамматике, но звучащих естественно в контексте стиха. Например, в строке «Грусть-тоска меня съедает, одолела, взяла» — наблюдается упрощённое, разговорное использование глагольных форм, подчёркивающее эмоциональную интенсивность. Таким образом, морфологическая «ошибка» превращается в стилистическую метафору, в знаковое выражение внутреннего состояния лирического героя.

Важно понимать, что нарушение морфологических норм в поэтическом тексте не является следствием недостаточного владения языком, а представляет собой осознанный художественный приём. Поэт использует грамматическое отклонение как выразительное средство, позволяющее усилить звучание, наделить текст индивидуальностью и оригинальностью. Это особенно характерно для поэтов авангардного направления, таких как Велимир Хлебников или Алексей Крученых, которые воспринимали язык как гибкий материал, поддающийся свободному преобразованию [5].

Морфологическая вариативность становится отражением многослойности поэтической речи, где каждое отклонение от нормы не нарушает, а, напротив, создаёт новую норму — авторскую, уникальную, обусловленную внутренней логикой художественного мира.

В этом смысле язык поэзии оказывается не только полем выражения, но и ареной борьбы за смысл, где морфология служит не только средством построения формы, но и активным участником поэтического творчества.

Морфология как средство ритмизации и рифмовки

Морфология в поэтическом языке играет важную роль не только как грамматический инструмент, но и как средство организации ритма и рифмы, составляющих основу стихотворной формы. Выбор морфологических форм напрямую влияет на звучание строки, на её метрическую структуру, на возможности звукового повторения и создания гармоничного или, наоборот, напряжённого ритмического рисунка. Поэт при построении стиха учитывает не только значение слов, но и их грамматическую форму, поскольку именно она определяет ударение, длину слова, его окончания — те элементы, которые участвуют в построении ритмико-звуковой структуры произведения. Одним из наиболее частотных приёмов является осознанный выбор падежных или временных форм ради сохранения размера стиха. Например, в строках с ямбом или хореем окончания слов должны соответствовать определённой слоговой схеме.

Поэт может предпочесть форму единственного числа вместо множественного, использовать женский род вместо мужского или прошедшее время вместо настоящего, чтобы сохранить нужную последовательность ударных и безударных слогов. Так, формы типа «сказала», «прошла», «молвила» позволяют добиться ритмического равновесия, особенно в случае использования традиционных трёхстопных или четырёхстопных размеров.

Кроме того, морфология активно используется для создания рифмы. Рифма, как совпадение окончаний строк, зависит от грамматической структуры слов — чаще всего в поэзии рифмуются окончания существительных, прилагательных, глаголов в определённых формах. Это диктует определённый выбор: например, поэт может выбрать родительный падеж вместо винительного, или форму повелительного наклонения вместо изъявительного, если она обеспечивает необходимое звуковое соответствие. Таким образом, грамматическая форма становится не только синтаксически обусловленным элементом, но и частью поэтической композиции, подчинённой законам рифмованного строя. Ритмизация текста нередко требует использования одинаковых морфологических структур в параллельных строках — например, одинаковых падежей или времен глаголов.

Это создаёт эффект симметрии, усиливает музыкальность стиха и делает его более запоминающимся. Вместе с тем поэт может осознанно нарушать эту симметрию, чтобы создать смысловой или эмоциональный сдвиг, и тогда морфологическая вариативность становится частью художественного замысла. В любом случае выбор морфологических форм всегда находится в тесной связи с ритмической организацией текста и подчиняется ей.

В русской поэзии наблюдается также тенденция к активному использованию так называемых «открытых» и «закрытых» окончаний в зависимости от звукового рисунка стиха. Гласные окончания способствуют мягкому, протяжному звучанию, в то время как согласные могут создавать ритмическое напряжение, динамику. Поэты, особенно модернисты и символисты, внимательно подходили к этим деталям, формируя ритмическое и звуковое пространство стиха с помощью грамматических форм. Таким образом, морфология в поэтическом языке выполняет функции, выходящие за рамки грамматической правильности. Она становится конструктивным элементом ритмической и звуковой организации текста, позволяющим поэту управлять восприятием, создавать нужную интонацию и темп, формировать внутреннюю музыкальность стиха. Это превращает морфологию в мощное выразительное средство, тесно связанное с эстетикой поэтической речи.

Заключение

Таким образом, морфология поэтического языка в русской литературе представляет собой не только систему грамматических категорий, но и мощный инструмент художественного выражения. Архаические формы помогают восстановить связь с культурной и языковой традицией, создавая особую стилистическую атмосферу и усиливая эмоциональное воздействие текста. Инновационные морфологические образования становятся проявлением творческой свободы поэта, стремящегося расширить границы языка и выразить то, что невозможно передать средствами нормативной речи.

Нарушения грамматических норм и морфологическая вариативность подчеркивают индивидуальность авторского стиля и открывают новые горизонты для художественного смысла. Морфология также активно участвует в ритмизации и создании рифм, формируя звуковую ткань поэтического текста и влияя на его восприятие. Всё это свидетельствует о том, что морфологический уровень языка в поэзии — не просто формальный каркас, но живой и гибкий материал, через который реализуется поэтическое мышление.

Исследование морфологических аспектов поэтической речи позволяет глубже понять механизмы функционирования художественного текста и раскрыть многообразие лингвистических стратегий, применяемых русскими поэтами на разных этапах развития литературного языка.

REFERENCES

1. Гин Я. И. К вопросу о построении поэтики грамматических категорий // Вопр. языкознания. 1991. № 2. С. 103–110.
2. Зубова Л. В. Языки современной поэзии. М., 2010.
3. Левин Ю. И. Избр. тр. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
4. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002. С. 418–433.
5. Ревзина О. Г. От стихотворной речи к поэтическому идиолекту // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста. М., 1990. С. 27–46.